

Н. С. КОРОВИНА
(Сыктывкар)

КОМИ СКАЗКИ О БОГАТЫРЯХ РУССКОГО ЭПОСА В ТВОРЧЕСТВЕ УДОРСКОГО СКАЗОЧНИКА И. И. ИГУШЕВА¹

Аннотация: Статья посвящена творчеству удорского сказочника И. И. Игушева. На основе текстологического анализа четырех его сказок о богатырях русского эпоса выявлены зависимые от книги тексты, определены характер и степень этой зависимости, по возможности установлен непосредственный источник этих вариантов.

Ключевые слова: коми народная сказка, текстология, устная традиция, книжная традиция, сказочник, сказки о богатырях русского эпоса.

К числу наиболее ярких представителей современных знатоков и хранителей фольклора можно отнести сказочника И. И. Игушева (1921—1994) из д. Муфтыга Удорского р-на Республики Коми. В раннем детстве он лишился зрения, и это обстоятельство в какой-то мере способствовало его увлечению сказками. С 17 лет он начал рассказывать сказки сам: вначале только детям, а затем и взрослым. Разрабатывая известные и малоизвестные сюжеты, контаминируя их, он создал большие по размеру сказочные произведения. В репертуаре исполнителя было более 50 сказок. Его основу составляют длинные волшебные сказки, представленные в основном русскими сюжетами, оригинальные сказки о богатырях русского эпоса, лубочные произведения.

В 1980 г. автором данной статьи от него было записано четыре оригинальных сказочных сюжета о богатырях рус-

¹ Статья подготовлена в рамках Программы инициативных проектов фундаментальных исследований, выполняемых в Учреждениях Российской академии наук Уральского отделения РАН в 2012—2014 гг. № 12-У-6-1005.

ского эпоса: Илье Муромце, Добрыне Никитиче («Добрыня»), Ставре Годичевиче («Василиса Микульщина»), Алеше Поповиче («Коморок»). Анализ текстов показал, что все они в той или иной мере связаны с книжными источниками. Удорский сказочник сам не мог прочесть былины из книг, так как известно, что он был слепым. По словам И. И. Игушева, ему довольно часто читали вслух не только родственники, но и школьники. Окончательное оформление сказочных текстов, конечно же, принадлежит самому исполнителю, очень талантливому рассказчику, прекрасно владевшему сказочной обрядностью и сумевшему создать цельные, логически завершенные произведения.

В связи с поставленной проблемой несомненный интерес представляет сказка И. И. Игушева «Илья Муромец», построенная на пересказе девяти былинных сюжетов:

1. Исцеление Ильи-сидня и получение им силы.
2. Первая поездка Ильи Муромца в Киев с включением сюжетов:
 - а) освобождение города Черняхова (Чернигова) от трех татарских царей;
 - б) победа над Соловьем-разбойником.
3. Встреча со Святогором, гибель Святогора в гробу.
4. Встреча с Микулой Селивановичем (Селяниновичем).
5. Илья Муромец и Идолище.
6. На заставе богатырской. Илья Муромец и богатырь Нахвальщик.
7. Три поездки Ильи Муромца.
8. Илья Муромец в споре с князем Владимиром.
9. Илья Муромец и Калин-царь.

В целом сказка отличается стройностью композиции, логичностью изложения, сохраняет патриотическое и демократическое звучание эпоса. Илья Муромец остается верен слову, данному странникам-целителям, что он будет драться за бедных вдов и сирот. Не исчезла из нее и специфическая былинная историчность: упоминаются Киев, князь Владимир, нашествие татар и т. д. Однако повествование в коми сказке начинается в соответствии со сказочной традицией: «*Муром карын оліс важбн гозья*» [AA] (В городе Муроме жили

давно муж с женой²). Обращает на себя внимание и законченность всей этой истории: «*Пõрьсьмис, пõрьсь лои Илля Муромец, слабмис вõдзõ. И кõнкõ õнна сыдз олõ-вылõ*» [АА] (Постарел потом Илья Муромец, ослаб. Где-то и теперь живет-поживает).

Сказка была записана в Удорском р-не, где сказки о богатырях русского эпоса имели большую популярность. Близость этого района к крупным былинным очагам, расположенным на Мезени и Вашке, сыграли немаловажную роль в формировании удорских сказок на былинные сюжеты, в которых довольно отчетливо видны следы мезенской эпической традиции. Между тем в ходе анализа установлено, что названные сюжеты не укладываются в рамки данной региональной былинной традиции, наоборот, в произведении удорского сказочника соединились эпические традиции не одного, а разных регионов, т. е. сказка носит компилятивный характер. «Разумеется, — отмечает Ю. А. Новиков, — переплетение разных редакций сюжетов встречается и в устных вариантах — это естественное следствие взаимодействия соседних традиций. Но когда речь идет о поразительном сходстве сразу нескольких текстов, место записи которых разделено пространством в сотни тысяч километров, устное заимствование маловероятно. Гораздо естественнее видеть в этом результат прямого книжного влияния» [Новиков 2001, 8].

Интересно, что литературным источником для сказки И. И. Игушева стала коми книга «Русской богатырьяс» (Русские богатыри), вышедшая в Сыктывкаре в 1951 г. Поскольку это издание оказало столь заметное влияние на коми устную сказку, коротко ее охарактеризуем. Книга представляет собой сборник прозаических пересказов на коми языке 21 былинного сюжета, 9 из которых посвящены Илье Муромцу, переводчиками-составителями сборника русских былин стали А. А. Денисова и Н. А. Колегова. К сожалению, в этом сборнике не были указаны источники переводов. Однако анализ текстов позволяет предположить, что переводчики в основном пользовались

² Здесь и далее при цитировании коми сказок приводятся переводы автора статьи.

«Книгой былин» В. П. Авенариуса, вышедшей в конце XIX — начале XX в. и выдержавшей 14 изданий. Главной особенностью этого издания является его компилятивный характер. Опираясь на известные ему научные записи былин, В. П. Авенариус объединил в одном сюжете элементы нескольких классических вариантов, записанных в разное время и в разных местах. Так, в большинстве текстов из этого сборника «отдельными фрагментами или стихами представлены *абсолютно все* варианты той или иной былины, опубликованные в научных сборниках до 1872 года» [Там же, 8]. В итоге из-под пера составителя выходили «никогда и нигде в таком виде не существовавшие былины...» [Новиков 2000, 297].

Коми сборник являлся довольно большим по объему, вследствие этого ограничимся лишь некоторыми примерами сходжений опубликованных в нем текстов и текстов русских былин. Так, в пересказе былинного сюжета «Исцеление Ильи-сидня и получение им силы» были использованы мотивы из побывальщины Л. Богданова из Кижей, опубликованной в сборнике П. Рыбникова: подробности чудесного исцеления Ильи, получение им огромной силы и уменьшения ее наполовину; запрет биться со Святогором, Самсоном и родом Микуловым. В этом же коми тексте имеется оригинальная деталь, указывающая на зависимость ее от пересказанных В. Далем сказок об Илье Муромце: богатырь перед отправкой в дальний путь благодарит реку и опускает в нее краюшку хлеба. Именно такая комбинация мотивов и деталей позволяет утверждать, что в рассматриваемом коми пересказе воспроизводится сюжетная схема, искусственно созданная В. П. Авенариусом [Новиков 2001, № 13].

В пересказ былинного сюжета «Илья Муромец и Соловей-разбойник» включены уникальные или редкие мотивы трех классических вариантов былин:

1. Два мотива позаимствованы из нижегородского варианта, напечатанного в сборнике Н. В. Киреевского: пленение и помилование трех царевичей, стычка Ильи с Алешей Поповичем на пиру.

2. Мотив угощения вином раненого Соловья-разбойника, а также рассказа

о неудачном покушении старшей дочери Соловья на Илью переключаются с опубликованной в сборнике П. Н. Рыбникова былиной пудожанина Н. Прохорова.

3. Описание подземного ключа, ударившего из-под копыт богатырского коня, взято из пересказанных В. Далем сказок об Илье Муромце [Там же, № 14].

Названные мотивы объединены, конечно же, не составителями коми сборника. Данный текст, как и предыдущий, является переводом компилятивного текста из сборника В. П. Авенариуса.

Восходит к сборнику «Книга былин» и перевод сюжета «Бунт Ильи Муромца против князя Владимира». Об этом свидетельствуют элементы разных версий былин, объединенных В. П. Авенариусом в один текст. В коми пересказе

В. П. Авенариус

Соскочил удалый со добра коня,
Лвою рукой ведет коня на поводе,
Правою рукой дубьё-колоде рвет,
Про себя мостит мосточки дубовые.
Проезжает ровно тридцать верст...
[Авенариус 1893, 90].

... От того от покрику зверинаго —
Маковки на теремах покривились,
Стеклышки в оконцах полопались,
Со двора все кони разбежались,
Все князья с боярами пали замертво,
все могучие богатыри припадали,
Окаракой по двору расползались,
Сам Владимир князь с княгинею
Еле жив стоит, шатается,
У Ильи под пазушкой укрывается...
[Там же, 98].

Необходимо отметить, что некоторые эпизоды не всегда совпадают: наблюдаются отдельные перестановки текстовых фрагментов, сокращены чрезмерно подробные и развернутые описания и монологи.

сохранены, например, оригинальные мотивы, заимствованные составителем «Книги былин» из архангельского эпического текста, опубликованного в сборнике П. В. Киреевского (Илью, назвавшегося Никитой Заолешанином, не узнают и усаживают в конце стола), а также былины пудожанина А. Сорокина (описание бунта богатыря и прихода на повторный пир с голюю кабацкой). Есть в коми пересказе и сочиненный В.П. Авенариусом мотив-связка между сюжетами «Ссора Ильи с Владимиром» и «Илья и Калин»: богатыря, спустившегося в погреб за вином, закрывают там по приказу князя [Новиков 2001, № 19].

О связи коми книги «Русские богатыри» со сборником В. П. Авенариуса свидетельствуют и текстуальные совпадения. Ср.:

Сб. «Русские богатыри»

Чеччыштис Илья вѡв выльсь. Шульга кинас сійѡ Бурушкаѡс кутышталѡ, а веськыд кинас дуб пуяс вужнас нетикалѡ, вольсалѡ нюр вомѡн дубовѡй пос. Комын верст тадзи вольсаліс...[Русские богатыри 1951, 72] (Соскочил Илья с коня. Левою рукой он Бурушку поддерживает, а правой дубы с корнями вытаскивает, стелет по болоту дубовый мост. Тридцать верст так стелет...).

Мый сэні лои (Соловей горѡдчѡм бѡрын — Н. К.)? Теремьяслѡн вевтъяссь пѡльнѡтчисны, кильѡяс керкаяс дорьсь торьялісны, стеклѡяс гѡрничаясьсь потласисны, вѡвьясь пышьялісны, став богатырьяс муѡ усины, бауѡн двор кузяьс кысьялѡны. Ачыс князь Владимир ѡдва ловья сулалѡ, шатлалѡ, Илья кафтан улѡ дзебсясьѡ [Там же, 78] (Что там было (после свиста Соловья — Н. К.)? Крыши теремов покривились, крыльца от домов отделились, стекла в горницах полопались, лошади разбежались, все богатыри на землю попадали, на корточках по двору ползают. Сам князь Владимир стоит еле живой, шатается, под кафтаном у Ильи укрывается).

Кроме того, есть основания полагать, что сборник В. П. Авенариуса не единственное печатное издание, использованное переводчиками. В пересказе встречаются редкие или уникальные мотивы, отсутствующие

в «Книге былин», но восходящие к сборникам Н. В. Киреевского и П. Н. Рыбникова. К примеру, в основе перевода былинного сюжета «Илья Муромец и Святогор» лежит побывальщина Л. Богданова из Кижей, опубликованная в сборнике П. Н. Рыбникова. Об этом свидетельствует наличие следующих деталей: конь советует Илье спрятаться от Святогора на дереве; богатырь-великан возит свою жену в хрустальном ларце; умирающий Святогор наказывает привязать его коня к гробу, ибо никто другой с ним не совладеет, а оружие позволяет взять Илье [Новиков 2001, №4]. Необходимо принять во внимание и то, что источником коми текста могли стать и другие издания,

Сб. «Русские богатыри»

Эн князь вѣсна, эн княгиня вѣсна, эн и ме вѣсна, том ныв вѣсна, а коньѳр дѳваяс вѣсна да посни челядь вѣсна нет, Илья Иванович, пѳгребысь [Русские богатыри 1951, 117] (Не за князя, не за княгиню, не за меня, молодую девушку, а за бедных вдов да маленьких детей выходи, Илья Иванович, из погребя).

Композиционно сказка И. И. Игушева полностью совпадает с текстом в коми издании и довольно точно отражает содержание былин. Исключение составляет сюжет, где описана встреча Ильи Муромца с Микулой Селивановичем (по-видимому, переосмысленное сказочником на свой лад имя Селянинович). Он не является традиционным для былин об этом богатыре, хотя и довольно логично вписывается в структурную ткань сказки.

Получив силу от Святогора после его гибели в гробу, Илья Муромец встречает маленького старичка с сумкой на спине. Сказочник уточняет: «*А тая как раз Микула Селивановичыд*» [АА] (А это был как раз Микула Селиванович). Старик предлагает Илье поднять сумочку переметную, где он, по его словам, всю землю носит: «*Илья Мурамеч кѳсьяс плеть нуднас босьны, крукыштылас — оз шед, чуньнас вѳв вывсынь крукыштылас — оз шед. Вѳв вывсынь лэччас да ки пѳвнас кѳсьяс — оз шед, кыкнан кинас лэптылас — оз шед, тѳлькѳ пидзѳсѳдзъс лэптылас, а ачыс муѳ чистѳ вѳйѳ*» [АА]. (Илья Му-

ромец хотел кнутовищем плети поднять, попробовал — не смог, пальцем попробовал — не смог. Слез с коня и одной рукой попробовал — не поднял, двумя руками попробовал — не поднял, только до колен смог поднять, но сам в земле увяз). Эпизод кончается тем, что Микула Селиванович берет эту сумку, закидывает ее на спину и убегает. А Илья Муромец едет дальше.

Подобный случай не единичный. Такие же эпизоды встречаются еще в двух удорских сказках (записаны Ф. В. Плевоским на Мезени). Только встреча со стариком с котомкой в этих сюжетах происходит до гибели Святогора в гробу, поэтому действующими лицами здесь являются как Илья Муромец, так и Святогор. В сказке Е. П. Селиванова котомку вначале пытается поднять Святогор, потом Илья Муромец, наконец они безуспешно пробуют поднять ее вдвоем [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 11]. В другой сказке, записанной от П. А. Конанова, эту котомку старик просит поднять не Святогора, а Илью Муромца, объясняя это тем, что он мо-

И. И. Игушев

Вай, шуас, сѳдз и сѳдз, ин князь вѳснаыс да княгиня вѳснаыс нетав, да ин ме пондасѳѳ, а нетав беднѳй дѳваес вѳсна, беднѳй челядь вѳсна, вай сѳес понда нетав [АА] (Давай, говорит, так и так, не за князя да за княгиню, да не за меня, а выходи за бедных вдов, бедных детей, давай, за них выходи).

ромец хотел кнутовищем плети поднять, попробовал — не смог, пальцем попробовал — не смог. Слез с коня и одной рукой попробовал — не поднял, двумя руками попробовал — не поднял, только до колен смог поднять, но сам в земле увяз). Эпизод кончается тем, что Микула Селиванович берет эту сумку, закидывает ее на спину и убегает. А Илья Муромец едет дальше.

Подобный случай не единичный. Такие же эпизоды встречаются еще в двух удорских сказках (записаны Ф. В. Плевоским на Мезени). Только встреча со стариком с котомкой в этих сюжетах происходит до гибели Святогора в гробу, поэтому действующими лицами здесь являются как Илья Муромец, так и Святогор. В сказке Е. П. Селиванова котомку вначале пытается поднять Святогор, потом Илья Муромец, наконец они безуспешно пробуют поднять ее вдвоем [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 11]. В другой сказке, записанной от П. А. Конанова, эту котомку старик просит поднять не Святогора, а Илью Муромца, объясняя это тем, что он мо-

ложе: «*Илья, шуё, тэ том морт, кётём-касё вай меным*» [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 227] (Илья, говорит, ты человек молодой, подай мне котомку).

Довольно оригинальную трактовку получил данный эпизод в сказке, зафиксированной А. К. Микушевым в 1960 г. в Корткеросском р-не от М. В. Казаковой: Илья Муромец, росший не по годам, а по часам (в тексте нет мотива чудесного исцеления героя), по дороге из церкви встречается с каким-то неизвестным мужчиной, который дает ему трижды испить воды. Богатырь хвастается, что он стал таким сильным, что может перевернуть землю. Внезапно мужчина роняет свою сумку и просит Илью Муромца поднять ее. Все попытки богатыря оказываются безуспешными. Сказка завершается своеобразной морализаторской сентенцией: «... *тэ пё, эськё, мед шуин: “Господь пё да ме кё тайё пё земляё пуккыльта”*. *А тэ пё шуин: “Ме пё пуккыльта”*. *Вот пё тэ эн и вермы, он и вермы*» [НА КНЦ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 205. Л. 194] (...если бы ты сказал: «Господь и я вместе землю перевернем». А ты сказал: «Я переверну». Вот поэтому и не смог и не сможешь).

Такого рода примеры, когда «мотив тяги земной» прикреплен к персонажу Ильи Муромца, а не Святогора, имеются не только в сказках. Ю. А. Новикову удалось выявить подобные трактовки мотива в трех книжных по происхождению былинах. «Вероятнее всего, — считает исследователь, — такое необычное сочетание былинных эпизодов принадлежит составителю какого-то книжного текста, установить который не удалось» [Новиков 2001, 34]. Не исключено, что данное издание существовало, поскольку необычная для устной традиции трактовка получила отражение не только в коми сказках, но и в сказках, записанных, например, в Тункинском р-не Республики Бурятия [Матвеева 1976, 27–28].

В коми сказочном фонде имеется и традиционное представление данного былинного сюжета. Такой характер имеет первая часть сказки «Святогор», записанная Ф. В. Плесовским в 1957 г. в с. Ужга Койгородского р-на от Ф. Е. Попова. Очевидно, как и многие другие рассмотренные сказки, она также восходит к книжному источнику. Доказательством служит то, что в скупом на

детали произведении есть эпизоды, связанные с побывальщиной, изложенной П. Рыбниковым в подстрочном примечании к № 51: Святогор на коне не может догнать идущего пешком прохожего, содержание диалога богатыря с Микулой Селяниновичем, само имя хозяина чудесной сумки.

Несмотря на то что сказка Ф. Е. Попова называется «Святогор», связующим звеном двух ее частей и главным героем является Микула Селянинович. Это подтверждается и второй частью кантаминированной сказки, являющейся пересказом былинного сюжета «Вольга и Микула», а точнее, эпизода с сошкой Микулы, которую не могли поднять дружинники Вольги. Только вместо имени Вольга Ф. Е. Попов использует имя Олег, для него более понятное. Фрагментарность пересказа затрудняет выявление прототекста, но скорее всего — наиболее вероятный источник, как и первой его части, — одно из печатных изданий былины. В пользу такого предположения говорят следующие факты: во-первых, оба былинных сюжета охотно использовали составители большинства популярных изданий былинных и лубочных сказок о богатырях, иными словами, они имели хрестоматийную известность; во-вторых, Ф. Е. Попов — один из тех сказочников, в творчестве которых книга занимает особое место. Так, в его репертуаре имеются сказки о Бове-королевиче, Еруслане Лазаревиче, представляющие собой довольно точные пересказы лубочных изданий. Вследствие этого не исключается возможность непосредственного усвоения исполнителем сказок и былинных сюжетов из книжного источника.

Книжное влияние прослеживается и в сказке И. И. Игушева «Василиса Микульшшина», передающей содержание былины о Ставре Годиновиче. В ней действуют те же герои, в некоторых случаях переименованные сказочником на свой лад: князь Владимир, Василиса Микульшшина (Микулишна), Забава Путяшина (Пуत्याична). Только имя главного героя былины И. И. Игушев не сохранил, а заменил, видимо, сложное для него имя Ставра Годиновича купцом Василием.

В результате анализа текста было выявлено, что удорский сказочник в ос-

новном повторил прозаический перевод компилятивного текста из «Книги былин» В. П. Авенариуса, в основу которого легли два фольклорных источника: былина из сборника Кириши Данилова и очень близкие друг к другу, генетически связанные между собой варианты прионежских сказителей А. Чукова и П. Калинина [Новиков 2001, № 38].

С былиной из сборника XVIII в. коми сказку роднит следующее: подробный рассказ о встрече Василисы с послами князя Владимира, которым поручено описать имущество Ставра, а его жену силой доставить в Киев, возвращение последних с полпути, описание стрельбы из лука в дуб, игра в шахматы.

В сказке также немало совпадений с вариантами былинного сюжета А. Чукова и П. Калинина: Василиса, переодевая в мужскую одежду, оставляет своих богатырей в шатре под Киевом; ее недовольство игрой гусяров и просьба позвать на пир купца Василия; переодевание Василисы в шатре в женскую одежду; она уводит своего мужа со «свадьбы» якобы для того, чтобы показать ему свою дружину; в финальной сцене муж хочет тайком ехать домой, а жена настаивает на возвращении в Киев. Усвоен этот текст удорским сказочником, по всей видимости, из книги «Русской богатырьяс» (Русские богатыри), где был опубликован данный компилятивный сюжет.

Необходимо отметить, что печатные издания былин оставили заметный след не только в творчестве И. И. Игушева.

В. П. Авенариус

Говорила Василиса дочь Микулична:
 «А не честь же, не хвала нам
 молодецкая
 Воровски уехати из Киева;
 Мы пойдем свадебку доигрывать...»
 [Авенариус 1893, 65].

Таким образом, обе сказки о Ставре Годиновиче, записанные в разное время, восходят к одному источнику — тексту из «Книги былин» В. П. Авенариуса. Именно этим обстоятельством объясняется их композиционная близость. Этот же факт не позволяет видеть в рассмотренных текстах влияние

Источником сказки «Василиса Никулишна», записанной Ф. В. Плесовским в 1947 г. в с. Глотова Удорского р-на от В. Е. Коскокова, тоже является книга. Факт обращения к нему установлен со слов самого исполнителя. В архивных материалах есть запись, указывающая на это: «*Лыддьывлі “История России” книгавысь*» [НА КНЦ. Ф. 1. Оп.11. Д. 187. Л.249] (Читал в книге «История России»). Несмотря на то что конкретный книжный источник, на который ссылается исполнитель, обнаружить не удалось, текстологический анализ показывает, что В. Е. Коскоков, как и И. И. Игушев, в своей сказке в основном пересказывает компилятивный текст из «Книги былин». Об этом, в частности, свидетельствует эпизод, где Василиса Микулична (Василиса Никулишна у Коскокова) выдает себя за посла «собаки царя Калина», у Коскокова — «царя Кагана» (возможно, данное имя является либо результатом переделки сказочника, либо ошибкой переписчика). Эта деталь, считает Ю. А. Новиков, перенесена В. П. Авенариусом из сборника Кириши Данилова с заменой имени: Калин вместо Етмануйла Етмануйловича [Новиков 2001, 157].

В отличие от сказки И. И. Игушева, в тексте В. Е. Коскокова обнаруживается довольно много выражений, иногда рифмованных, на удорском языке. Буквальных совпадений с прототекстом в них нет, но близкие по содержанию и словесному оформлению отрывки встречаются:

В. Е. Коскоков

*А баба шуё: «Не честь и хвала пö добрым
 молодцам воровски пышйны, а мöдiм,
 шуас, свадьба доигрывайтам»* [НА КНЦ.
 Ф. 1. Оп. 11. Д. 187. Л. 260] (А жена
 говорит: «Не честь и хвала добрым
 молодцам воровски убегаь, а пошли,
 говорит, свадьбу доигрывать»).

местной былинной традиции. Кроме того, Мезенской эпической традиции, по свидетельству исследователей, рассматриваемый сюжет практически не известен, «зафиксированы лишь глухие отголоски Ставра» [Новиков 2000, 298].

Сказка И. И. Игушева «Коморок» в стиливом отношении представляет

противоположность другим проанализированным уже сюжетам. В ней повествуется о неудачной женитьбе Алеши Поповича на жене Добрыни, пока тот отсутствует. Данная сказка имеет опосредованное отношение к былинному тексту, так как лишена релевантных для эпоса признаков. В тексте сказки нет никаких упоминаний о Киеве и князе Владимире, всякая историческая приуроченность исчезла. Действие происходит в неизвестной деревне. Связь с былинным сюжетом можно установить, реконструировав имена героев сказки. Главного героя зовут Комороком. По-видимому, это измененное сказочником слово «скоморох». Имя героя, скорее всего, спровоцировано былинным эпизодом, где Добрыня приезжает в свой родной город и просит у матери, не узнавшей его, платье скоморошское и гусли. В коми сказке рассматриваемый эпизод получил бытовой крестьянский колорит: Коморок облачается в одежду, которую мать приносит ему из амбара; на свадьбе вместо гуслей он играет на гармошке.

Вторым главным героем сказки является друг Коморока — Попов. Здесь, по-видимому, наблюдается явление ассоциативного переименования: былинный Алеша Попович трансформировался в Попова. Многие персонажи вообще лишились имен, например, мать Добрыни, его жена.

Тем не менее, некоторые подробности былинного сюжета в коми сказке сохранены. Например, переодевшись и взяв в руки гармошку, Коморок приходит на свадьбу своей жены: «*Пырас да шуас: “Комороку куда место?”*» — «*А Коморокам, шуас, на печке место*» [AA] (Заходит и говорит: «Комороку где место?» — «А Коморокам, говорит, на печке место»). Ср. как дан этот эпизод в былине:

Говорит удала скоморошина:
«Солнышко Владимир стольный
киевский!

Скажи, где есть наше место
скоморошское».

Говорит Владимир стольне-киевский:
«Что ваше место скоморошское
А на той на печке на муравленой...»
[Русская народная поэзия 1984, 94].

В былинном сюжете о предстоящей свадьбе своей жены главный герой уз-

нает от своего коня: тот бьет копытом, будит хозяина и сообщает об этом событии. В коми тексте анализируемый эпизод изменен: герой сказки Коморок, находясь на службе, заходит однажды к своему коню и видит, что тот по брюху в крови: «*Муйнӧ, шуас, кодлы тая невзгӧдаыс? — Тэныд, шуас. — Муйнӧ, кутийӧм невзгӧда тая меным? — Шуас, гитырыд верӧс сайӧ кӧсйысьӧ мунны, Попов корасьӧ. Но из на сет сӧгласьӧ. — Но та пондась, шуас, нинӧм на шогсьыны*» [AA] (Что, говорит, кому это невзгода такая? — Тебе, говорит. — Какая невзгода? — Говорит, жена замуж собирается, Попов сватает. Согласия пока не дала. — Из-за этого, говорит, не стоит еще печалиться).

Данный эпизод (как этого и требует сказочная обрядность) повторяется в тексте три раза, и каждый раз меняются отдельные детали, усиливается драматизм действия. Мотив этот имеет сказочное происхождение (см., например, «Конек-горбунок» — СУС 531). В данном случае проявляется, по всей видимости, творческая импровизация сказочника, стремящегося придать повествованию на былинный сюжет колорит волшебной сказки.

Существенная трансформация текста затрудняет выявление прототекста, вместе с тем, некоторые редкие сюжетообразующие мотивы, не характерные для мезенской эпической традиции, дают основание предположить, что наиболее вероятный источник данного произведения — книга. Так, мотив, где герой появляется на пиру в наряде скомороха, популярен в Обонежье. Как и в пудожских записях о предстоящей свадьбе своей жены главный герой узнает от коня. Упоминание родимого пятна, единственной приметы, по которой мать узнает сына, — оригинальная деталь двух поволжских вариантов в сборнике П. В. Киреевского [Новиков 2001, №12].

Такое объединение мотивов указывает на компилятивный текст из сборника «Русские народные былины: Добрыня Никитич. По сборникам Кирши Данилова, Киреевского, Гильфердинга», неоднократно переиздававшегося Сытиным. Как отмечает Ю. А. Новиков, «это искусственное произведение получило на русском Севере довольно

широкое распространение» [Там же, 67]. Между тем совпадающие с книжным источником мотивы не дают еще оснований говорить о буквальном пересказе удорским сказочником данного компилятивного издания. Вариант И. И. Игушева, конечно же, опосредован устной традицией и вобрал в себя из нее собственно сказочные мотивы (например, мотив «чудесный помощник»).

Итак, былины, прочитанные вслух слепому сказочнику И. И. Игушеву из издания былин на коми языке «Русской богатыряс» (Русские богатыри), стали основным источником для создания двух сказок («Илья Муромец», «Василиса Микульшшина»). Они сохранили социальные мотивы эпоса, героическую и патриотическую направленность сюжетов, не лишены они также и «эпической историчности». В сказке «Коморок» былинный сюжет существенно изменен и дополнен собственно сказочными ситуациями. Такая жанровая трансформация часто наблюдается в повествованиях на былинные сюжеты. В сказках о богатырях русского эпоса проявились и многие характерные черты И. И. Игушева как исполнителя: стремление к эпичности, логичности построения и изложения сюжетов, понимание жанровой специфики, интерес к героическим и социальным темам.

Основная причина широкой популярности на территории республики сказок о богатырях русского эпоса заключается, как свидетельствуют исследования ученых Ф. В. Плесовского [Плесовский 1958] и В. М. Кудряшовой [Кудряшова 1984], в соседстве с богатой былинной традицией Русского Севера. Приведенные в данной статье наблюдения дают основание утверждать, что данные выводы требуют уточнения: на формирование коми сказок о богатырях русского эпоса оказали влияние печатные издания. «Процесс возникновения сказок на основе таких прочитанных былин, — считала А. М. Астахова, — по существу был подобен процессу их образования на основе устных былин, с той только разницей, что осваивались и оформлялись в сказки былины не местной, а иных областных традиций» [Астахова 1962, 39]. Вместе с тем в местах с определенной устойчивой эпической традицией (каким является Удорский р-н)

книжные издания «поддерживали и расширяли былинное знание» [Там же, 65]. Они сыграли немаловажную роль в творчестве И. И. Игушева, обогатив не только его репертуар, но и сказочный фонд коми народа новыми оригинальными сюжетами, вариантами сюжетов и образами русского героического эпоса.

Литература

Авенариус 1893 — Книга былин: Свод избранных образцов русской народной эпической поэзии / сост. В. П. Авенариус. М., 1893.

Астахова 1962 — Астахова А. М. Народные сказки о богатырях русского эпоса. М.; Л., 1962.

Кудряшова 1984 — Кудряшова В. М. Сказки о былинном Илье среди коми (зырян) // Русский фольклор: Полевые исследования. Л., 1984. Т. 22. С. 92—96.

Матвеева 1976 — Матвеева Р. П. Творчество сибирского сказителя Е. И. Сорокикова-Магая. Новосибирск, 1976.

Новиков 2000 — Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. СПб., 2000.

Новиков 2001 — Новиков Ю. А. Былина и книга. 2-е изд. СПб., 2001.

Плесовский 1958 — Плесовский Ф. В. О взаимоотношениях между коми и русскими по историческим и фольклорным памятникам // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 129—143.

Русская народная поэзия 1984 — Русская народная поэзия: Эпическая поэзия / сост. Б. Путилов. Л., 1984.

Русские богатыри 1951 — Русской богатыряс (Русские богатыри) / пер. А. А. Денисовой и Н. А. Колеговой. Сыктывкар, 1951.

Сокращения

АА — личный архив автора.

НА КНЦ — Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Summary. *This article is dedicated to the art of the Udora storyteller of Ivan Igushev. On basis of textual analysis of four Igushev's tales about heroes of Russian epos the author educes texts dependent on the book, defines the character and the extent of this dependence, and specifies the direct source of these variants as far as possible.*

Key words: *Komi folk fairy tale, textual, oral tradition, book tradition, storyteller, tales about the heroes of the Russian epos.*